

≈ 26 мин

Кто-то может сказать, что сельское население в России столь «пренебрежительно мало» в плане численности, что данный вопрос не стоит перед современными левыми с той остротой, какая была в начале прошлого века. Вполне возможно, но самообеспечение страны продовольствием в экстремальных ситуациях, будь то война или революция (а это вряд ли можно назвать ситуацией рядовой) так или иначе потребует умения находить точки соприкосновения с сельскими тружениками. И вопрос о том удастся ли их установить (или разорвать – в зависимости от стороны и обстановки) далеко не праздный. Тем более процессы урбанизации по стране до сих пор неравномерны, есть еще в нашей стране регионы, которые можно назвать «сельскими» (хотя, конечно же, все относительно).

Конечно же, это не исследование, но хоть какой-то посильный вклад. Учитывая, что я первый в семье, кто родился в городе, я решил расспросить своего отца о временах первоначального накопления в деревне. Рассказ получился пусть и не очень содержательным, но как минимум примечательным. Если мне удастся, я постараюсь летом съездить к родственникам в деревню и собрать больше информации от людей, непосредственно связанных с финансовыми операциями тех лет. Пока что так.

Курсив здесь и далее – мой личный комментарий к материалам интервью.

М. Петр Иванович, 1961 г. р., 10 классов, Сорочинское СПТУ №8, механизатор широкого профиля. Колхоз «Маяк», Оренбургская область.

– Тебе, конечно же, лучше было бы к кому-нибудь другому обратиться. Я уже

не так подробно все помню и все-таки именно в тот переломный момент я уже стал городской, не так подробно во все это вникал... Да я вообще ни во что подробно не вникал. Выжить бы, да и все дела.

- И все же. Начнем издалека. Что ты помнишь из доперестроечного периода в жизни колхоза?

- Помню точно, что работы было много. Очень много, людей не хватало. Я, несмотря на образование, работал еще и шофером, т.к. мало было людей. Бесперывно шла новая техника, особенно в первой половине 80-х. По 5-6 машин за раз. Правда, не помню, как часто такие «заходы» делались, но очень много было новой техники. А топлива! Топлива – море. Какой там контроль и учет – что дизель, что бензин мы разве только в землю не выливали от нечего делать. Его никто не считал в принципе. Как, впрочем, и запчасти для сельхозмашин.

- Говорят, из колхозов тащили в тот период по-черному, все в основном работали на приусадебные участки и вообще – именно приусадебные участки давали большую часть сельскохозяйственной продукции в масштабах Союза.

- За масштабы Союза не могу говорить, но у нас точно было не так. Все работали на колхоз. До такой степени, что мы даже колхозным рынком не пользовались, мы абсолютно все государству сдавали...

- Это почему?

- Наш колхоз ближе к перестройке активно уходил в «минус» по балансу, т.е.

был должником. Долг этот постоянно рос. Чтобы его покрыть мы все сдавали государству, оставляли только на семена. Даже подсобные хозяйства работали на государство, фермерств из них потом не получится. Да и легче было сбывать продукцию ЛПХ колхозу, чем самому с этим маяться. Я тебе больше скажу – колхоз целенаправленно, не смотря на все проблемы, субсидировал подсобные хозяйства.

- В связи с чем?

- Не спрашивай так глубоко, я не понимаю этих вещей.

- Очень похоже по описанию на совхоз, а не на колхоз.

(Перед интервью вкратце объяснил отцу различия между колхозом и совхозом, некоторые проблемы, изложенные в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»).

- До сих пор не понимаю в чем разница, кроме того, что их снабжали лучше. Я тогда не чувствовал разницы.

- Долг все равно рос?

- Долг все равно рос, но на нас это никак не сказывалось. Это были просто какие-то цифры совершенно бухгалтерские, не наша это была головная боль. Всю технику, все топливо, все нам государство давало в долг, и расчет оставляло на потом.

- Как выполнялся план? Были ли приписки?

- В реальности план выполнялся полностью. По припискам - перевыполнялся. Самое существенное, что могу вспомнить - наличие у нашего колхоза некоторого количества неучтенной земли, которая не проходила ни по каким документам. Благодаря ей и перевыполняли. Отчитываемся, что произошло увеличение производительности труда в нашем колхозе, на деле - запахиваем «заныканные» гектары. Когда больше, когда меньше... Посевная и жатва вообще самые жестокие периоды. Отовсюду снимали всех кого могли снять и отправляли в поле. Не умеешь водить трактор? А вот будешь и баста.

- Как была организована жизнь в самом колхозе? Управление?

- Председателя колхоза районные начальники на отчетно-выборное собрание привозили. Собирали всех в клубе, надо было быть обязательно. Представляли нам «посаженного», мы все единогласно голосовали. Бывало и так, что про человека знали что-то плохое или слух шел плохой, тогда в штыки, все роптали. Ни разу не было случая, чтобы бюро райкома в таком случае стучало кулаком по столу и говорило: «Нет, будет по-нашему!». Всегда меняли или говорили выбирать из своей среды. Ну что еще? Школа «восьмилетка», Дом культуры, клуб... Музыкальный кружок был, художественная самодеятельность, профсоюз был. Премировал за хорошую работу, путевки выдавали по СССР и странам СЭВ.

- Были ли у профсоюза конфликты с иными структурами?

- С председателем.

- Какого рода?

- Покупать новый бильярд или нет.

- Бильярд?

(Можно было подумать, что отец иронизирует, но он был достаточно серьезен. Это действительно ему запомнилось событием весьма серьезным).

- Я до сих пор не умею в него играть, и никто из нас не умел в него играть. Мы знали общий принцип – кий, шары, лунка, но не более. Откуда он у нас взялся, тоже сказать не могу.

- Ладно, а серьезные конфликты?

- В те времена это был очень серьезный конфликт. Потому что все хотели новый бильярд вместо той развалины, а председатель говорил, что нечего делать этим бильярдом, колхоз в долгах, а вы бильярд... Я понимаю, что ты имеешь в виду, но нет.

- Было ли ощущение что профсоюз – структура чисто бюрократическая, что он «для начальника», но не для вас? Путевки, подарки, массовые мероприятия, а серьезной защиты нет?

- Нет. Мы то же самое бюро райкома ощущали чем-то более внешним по сравнению с нашими партийными и профсоюзными первичками. Профсоюз был абсолютно подотчетен его членам, все всё знали обо всех и обо всем, как-то

удержаться там с корыстными целями было просто невозможно, слишком все было «прозрачно», как сейчас говорят. Тоже самое с первичкой партийной. Хотя справедливости ради, тянуло ее на себя всего несколько человек идейных, все остальные были чисто для числа. Стыдно вспомнить как меня в партию загоняли – я тогда выпивал прилично, так меня чуть ли не в этом состоянии приняли и на собрания постоянно тащили. Поднимал руку, голосовал, даже не помню за что.

- А были вещи, которые все же не устраивали в режиме труда?

- Выходные были не у всех и не всегда, таков характер работы. Особенно на фермах. Скотина не промышленная заготовка, не бросишь и не скажешь: «У меня следующие два дня – законные выходные». Но это от недостатка людей, профсоюз нам из воздуха больше смен не сделает.

- Самое спорное. Память о коллективизации, раскулачивании. Ругали ли колхозный строй, мечтали ли о переходе к единоличным хозяйствам? Было ли недовольство властью именно на почве «исторической памяти».

- Ты говори проще. Я примерно понял конечно... Это было дело более старшего поколения. Мы не знали иной жизни и воспринимали колхозный строй как данность. Нам не о чем было жалеть – тех времен просто уже никто не помнил, в сравнении с городскими же не проигрывали. В некоторых аспектах мы даже лучше чем в городе жили. Никто из моего поколения не думал об этом: «а вот если нам сейчас все разделить как встарь»... Это все на каком-то личном уровне существовало – у кого предки пострадали, у кого не пострадали. Поводов продолжать мысль в иные дали не было. Это, ну как тебе сказать... Было немыслимо что ли. Просто немыслимо. Этого нельзя было даже

представить, чисто не укладывалось в голове.

- Чем запомнилась Перестройка в деревне?

- Все начало исчезать. Топливо, машины, запчасти... Потом начали закрываться предприятия по ремонту техники. МТС я уже не застал, вся техника наша стояла у нас, но были предприятия, куда ее отгоняли на ремонт. Их не стало. Весь ремонт оказался на нас, на рядовых колхозниках. В 1988 году помню первые проблемы с зарплатой. Тогда это была дикость несусветная. Вскоре стала норма жизни.

- Вы пытались как-то сопротивляться? Партия, профсоюз, председатель...

- Нет. Смотри в чем дело. Профсоюз правомочен в пределах колхоза. Он не может стучать Совмину: «А ну, дай топливо!». В свою очередь сказывалось то, что мы жили коммунизмом. Никто не знал что все кончится фатально, все думали что это временный перебой, что все идет по плану. Не было сомнений. К 1990 году наш колхоз начали натурально раскулачивать. Иного слова не придумаешь. Государство просто обвалило все производство. С нас затребовали все долги. Отдавать нечем. Нечем? Гоните скот, гоните технику...

- И никто не пытался воспротивиться этому?

- Никто не пытался. Все было по закону. Нам государство скомандовало вернуть все назад. И погнали. Скот на убой, технику в райцентр.

- Но это же было ваше!

- «Наша» была только грязь под ногтями. Это все было в долг от государства, мы за него так и не рассчитались. Государство все затребовало обратно. Возмущались конечно, но считали что там людям виднее. Никто не понимал всей глубины этих событий.

- Не рассчитались?

- Конечно нет! Стало еще хуже. Производство встало. Люди не то что начали выходить из колхоза в смысле забирать свою долю, а просто разбегаться, уходить в город всеми силами. Особенно те, кто был молод. Я и твоя мать в их числе.

- А закон о фермерстве?

- С чем фермерство? 2-3 человек смогли освоиться и то перекупщики все соки жали, ни денег, ни техники, ни семян толком. Ну на, бери, три пригоршни того, две кучи сего, отделяйся... Прежде чем разрешили забирать свою долю из колхоза, сначала в самом колхозе ни черта не оставили. Выгребли под чистую и гордо так сказали: «Вот теперь можете делить!». Бесперспективное это дело. Паи, которые раздавали - их либо меняли как ваучеры, на сапоги или водку, либо сдавали в аренду за смешные деньги и все равно искали иные способы заработка. Немногие вышли из колхоза. В большинстве своем люди оставались до конца. Но про паи сразу говорю - лучше подробнее не расспрашивай. Я про это плохо знаю уже. Все было больно, сложно и страшно, а у меня как уже городского своих проблем было валом.

- Еще что-нибудь можешь вспомнить?

- После 1991 года где-то, уже при Ельцине, в колхоз пришли судебные приставы. Изымать оставшееся имущество за долги. Казалось бы, куда дальше? Так они со своей командой чуть ли не свинарники на кирпичи разбирали, бетонные плиты, двигатели увозили. Действовали как настоящие бандиты, Батыево нашествие... Обобрали в конец. Но это уже со слов, сам не присутствовал. Потом пришли бандиты из города и стали организовывать производство. Руками колхозников, на колхозной земле, которую или выкупали, или в аренду брали, с почти дармовой рабочей силой.

- Бандиты?

- Ну а кто еще? Если человек может позволить себе и землю, и технику, и найм - это явно бандит. Нельзя таких денег заработать было в то время, их можно было только украсть, чтобы все это выкупить и заново пустить в оборот, но уже на новых принципах. Но даже так наш колхоз смог просуществовать до начала 2000-х и только тогда издох. В какую форму собственности он перешел и как там все было - уже точно не знаю.

- Еще вопрос. Я понимаю, что у вас было радио, ТВ, газеты, но проникала ли к вам неформальная культура? Русский рок например, джинсы?

- Да, было такое. Ездили же люди в Бузулук.

- Оказало ли это влияние на развитие каких-то антисоветских настроений? Например, многое из русского рока тех лет было чистой антисоветчиной.

- Не особо. Может возраст был не тот, мне все же было уже под тридцать

чтобы на все это подсесть, а оно на молодежь рассчитано. Но что я могу вспомнить – я слышал песню «Скованные одной цепью» Наутилусов, Сектор газа тоже слышал. Я понимал политический посыл этих песен, но он меня не интересовал попросту. Официальная эстрада уже в печенках сидела, а это было что-то новое. Для меня музыка вообще делится на ту, которую можно слушать, которую нельзя слушать, и под которую можно и нужно танцевать. Все остальное мне было безразлично. Я понимал про кого это, «скованные одной цепью...», но оно меня против власти не настраивало, до лампочки. Звучало не плохо, а что еще надо?

- Это не относится к теме, но ты как-то рассказывал, что был в Москве во время событий августа 1991 года.

- Да, но рассказывать нечего. Я вез груз в Москву, пока разгружался – в Москве началось вот то, когда Белый дом не горел. Ты же про это, да?

(Для справки: мой отец за давностью лет уже плохо ориентируется в недавней российской истории, для него события 1991 года и 1993 года различаются как «белый дом горел» и «белый дом не горел»).

- Да, про это.

- Я не принял участия. Так, посмотрел и пошел спать в кабину.

- Не было желания принять участия на стороне одной из групп?

- А я и принял. Ельцин звал всех митинговать, ГКЧП просило всех сохранять

спокойствие, обеспечить нормальную работу всего и вся, не высовываться, они, мол, сами разберутся. Вот я и обеспечивал спокойную работу, похрапывая в кабине.

- А если серьезно?

- А это практически серьезно. Начнись какое-то серьезное противостояние - я бы сделал выбор в пользу ГКЧП, но они в людях не нуждались, никого ни к чему не звали. Тем более я тогда слабо видел разницу между ними. Одни эту кашу начали или, по крайней мере, не мешали начать, другие вели к финалу - они по мне все виноватые были. А когда Белый дом горел, я только по телевизору видел, но меня это тогда не впечатлило. Точнее, я понимал, что они против Ельцина, против всех этих демократов и перемен, но за что они были, какая у них программа была, - я до сих пор не знаю. За все хорошее против всего плохого что ли? Мало было этого для того, чтобы я бросил семью и ринулся через полстраны на баррикады. Было бы все четко - тогда быть может, я и подорвался бы. Опять-таки ради лучшего будущего для семьи.

- Есть ли еще какая-то информация из того, что происходило в те годы в окрестных местах?

- Ну, только про колхоз «Счастливая жизнь». Его в 70-х переименовали в колхоз «Россия» (я так и не смог внятно объяснить отцу, почему так долго смеялся), там все было несколько по-другому. Воровали, но не очень сильно на мой взгляд. Ну там мешок дробленки, другой... Там все очень плохо работало. Твоя бабка, теща моя, рассказывала как однажды влетела с МТФ. С нее требовали списать сразу нескольких телят. Она сама виновата - разрешала по

чуть-чуть что-то домой брать, вот люди и обнаглели. Но на такой крупный подлог она идти не соглашалась, уперлась. Пришлось перейти работать на колхозный огород.

- А структуры...

- Как раз председатель и зоотехник, если не ошибаюсь, на нее и давили. Выбирался там председатель также как и у нас - явочным порядком из райкома. Вообще с этим у них было очень плохо, и распался колхоз тоже плохо - там все имущество как раз верхушка по дворам и растащила, все трактора, все оборудование... Это действительно все, что я могу вспомнить. У меня больше воспоминаний осталось о том как я ловил сусликов и потом шкурки сдавал. Я лично вот этим вот всем никогда не жил.

Далее курсив будет обозначать уже мои личные воспоминания, так как последующее я видел своими глазами в подростковом возрасте и прекрасно помню.

- В начале 2010-х тебе снова пришлось оказаться в сельхозпроизводстве, расскажи об этом.

- Так, мельком. Да ты лучше сам, в конце концов, ты тоже там месяц проработал.

- Я сделаю свои пометки, но все-таки вдруг ты что-то еще дополнишь. В конце концов, я не на все вещи, что меня интересуют ныне, тогда внимание обращал.

- Ну, работал я на найме у Сорокина, владельца сельхозкооператива недалеко от села Комиссарово.

(Я тогда таскался вместе с отцом, пока было лето, посмотреть на его профессию, да на регион в целом. Пришлось мне на этом пути пожить какое-то время в данном кооперативе, выполняя мелкую подручную работу. К тому времени я уже придерживался левых убеждений, но стихийно, ни о какой теории не помышлял).

- Как понять «владелец кооператива»? Кооператив, обычно, нечто коллективное.

- Брехня. Якобы сложили паи, якобы получают дивиденды, якобы коллективно сами работают, решения все вместе... С точки зрения бумаг и статистики все так. На деле: пришел человек с деньгами, собрал паи, оформил кооператив на бумаге, нанял людей. Владельцы паев получают какой-то мизер и согласны на него, потому что не просто же так им (паям) пропадать. Ну там может 2-3 реальных пайщика работают и то не факт.

- А что с выплатами по паям?

- Не знаю точно сумм, знаю что гроши. Вплоть до натуральных выплат.

- Это как?

- Ну сеном расплачиваются за использование пая, медом, еще чем-нибудь, т.е. не деньгами.

- Это и вправду до сих пор сохранилось?!

- А что в этом странного?

- Что с оплатой труда наемных рабочих?

- Я уже был наслышан, что это за человек, а потому работал за деньги только частично. Часть работы должны были возместить ремонтом прицепа, что и произошло. Денег я так и не увидел. Впрочем, как и большинство работавших в тот сезон. Точных сумм уже не скажу, это было самое начало 10-х.

- А почему тогда люди к нему как шли, так и идут?

- От безвыходности в основном. Каждый думает, что ему в этот сезон повезет. Но в последнее время, как я слышал, дела у него не очень. Батюшка его теснит.

- Батюшка?

- Ну местный священник, я не знаю с какого он прихода именно, но он тоже вроде как землевладелец, у них с Сорокиным сейчас соперничество вроде как.

- Да, я его, кажется, видел пару раз. Припоминаю. Что еще можешь вспомнить?

- Трудовых договоров никогда не было, записи в трудовых книжках не делает, техника безопасности нарушается во всем что можно, ну что еще говорить? Гаишников, и тех прикормил, а как к своим работникам относился...

- Кстати да, всегда во время обеда удивлялся, что у нас в столовой делают двое сотрудников ГИБДД.

- Это местные гайцы были. У них пост недалеко, вот они и ездили туда обедать. В обмен на это они закрывали глаза на все перевозки, связанные с кооперативом.

Иные подробности я могу уже вспомнить сам, хотя и не в великих подробностях. Я сам там был на птичьих правах, как нагрузка к отцу, а потому всерьез меня не тормозили и многих «прелестей» работы в этом месте я не испытал. Но наблюдал воочию. Кооператив представлял собой огороженную территорию с ангарами, цехами для слесарных работ и рядом хозяйственных помещений. Рабочие жили в небольшом помещении на втором этаже магазина с собственной пекарней. Самое ужасное в этом здании было то, что лестница на второй этаж была отнюдь не внутри здания, а снаружи. Сварена она была из железных прутьев, с одним пролетом и без всяких перил. Все удобства на другом конце территории. При мне травматизма не было, но в сильный ветер, что часто дует в наших степях, самым надежным было передвигаться по ней на «полном приводе», т.е. на всех четырех конечностях, иначе можно было пополнить печальную статистику, а я почти уверен, что она уже кем-то была открыта.

Рабочий день не нормирован ни по дням, ни по часам. Как «хозяин» сказал так и будет. Кормежка была раз в день. Мне в моем возрасте хватало, но для взрослых мужиков, работающих на износ, калорийность была явно недостаточной. Не помню точно, был ли запрещен выход за территорию в

течение рабочего дня (а по сути, в течение почти всех 24 часов), но с ближайшим магазином явно были проблемы. Зато магазин, как я уже упомянул, был на первом этаже. Принадлежал тому же Сорокину и цены там были просто зверские, но право, всегда можно было взять в долг. А еще штрафы, штрафы... Доходило до того, что «кидать» людей на зарплату в конце сезона можно было вполне «обосновано».

Что касаясь самого характера работы, то один случай, который врезался мне в память, все говорит. Ремонт техники в кооперативе был поставлен весьма своеобразно, а именно – за территорией было кладбище старых, вышедших из строя машин. Когда что-то ломалось, отправляли нескольких человек искать замену сломавшейся детали на эту свалку. Сорокина хронически душила жаба покупать какие-то запчасти. Старая деталь выбрасывалась прямо в чистое поле, где-нибудь ближе к существующим кучам хлама, а «новая» искалась в соседней.

Таким образом, я однажды собирал рессоры для КамАЗа. С трудом отвинтил гайки с помощью жидкого ключа, понабрал с разных остовов рессор, перетаскал на территорию и получил задание – перебирать. Да не просто, а с «наукой»: был на территории небольшой заасфальтированный участок, на который уже основательно проржавевшие рессоры надо было бросать. Те что звенят – в одну кучу, с глухим звуком – в другую. Вот и ремонт.

Продолжение следует

Сельское хозяйство в СССР и в «Новой России»

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.